

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

КОНТРОЛЬНАЯ СХВАТКА

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке *Владимира Нартова*

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 **Контрольная схватка / Александр Тамоников.** — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-202078-0

Специальный борт высаживает группу подполковника Максима Шелестова на границе Белоруссии и Литвы. Здесь, в одном из селений, заблокирован отряд диверсантов, выполнявших специальное задание абвера в нашем тылу. Противник оказывает ожесточенное сопротивление и сдаваться не собирается. Шелестов выясняет, что во главе отряда под немецким именем орудует предатель Василий Федорчук. В начале войны бандит, притворившись мертвым, сумел ускользнуть от оперативников. На этот раз изменнику Родины от возмездия не уйти...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-202078-0

© Тамоников А. А., 2024
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ПРОЛОГ

Облака затянули небо сплошной серой пеленой, и смотреть в иллюминатор было не на что. Транспортный «дуглас» дважды попадал в стену дождя, и тогда по стеклу сбегали, спрыгивали и метались струи воды, которые трепал встречный поток воздуха. Шелестов сидел, откинувшись на спинку дюралевого кресла, и смотрел, за неимением лучшей картины, на дверь пилотской кабины. Группа спала под гул мотора и легкое дрожание фюзеляжа. Впереди, над спинкой кресла, виднелась голова Буторина со стриженными под ежик волосами. Коган, спрятав руки в рукава просторной летной куртки, спал набычившись, уперев подбородок в грудь. Напротив, устроив под головой место подушки сложенный ватник, уютно устроился Сосновский. Лицо у Михаила спокойное, тонкие черты лица расслаблены.

Шелестову не спалось. Снова и снова вспоминались лица людей, с которыми он недавно встречался, с кем сражался бок о бок во время послед-

ней операции. Лица погибших, кто уже никогда не улыбнется тебе, не протянет руки при встрече. И снова Максим Андреевич прокручивал в голове все этапы задания, которое выполнила группа. А можно ли было обойтись без таких потерь, можно ли было выполнить задание без лишнего риска? А что было бы, если бы он принял другое решение? Он руководил группой уже несколько лет, и ему всегда удавалось избегать потерь среди членов группы. Четверка работала умело, слаженно. Оперативники научились понимать друг друга с полуслова, а то и без слов. А Шелестов научился использовать сильные стороны и таланты своих оперативников в полной мере.

«Надо поспать, — подумал Шелестов. — Отдохнуть, собраться с мыслями. Впереди доклад Платову, а может, и Берии». Он закрыл глаза и задремал. Сказывалось напряжение последних недель. В этот момент чья-то рука стала настойчиво и бесцеремонно тереть его за плечо.

— Товарищ подполковник! Товарищ подполковник, проснитесь. Для вас радиограмма!

Шелестов мгновенно открыл глаза и первым делом бросил взгляд на наручные часы. Оказывается, он не дремал, а спал почти час. Перед ним стоял второй пилот.

— Что случилось? — спросил Шелестов. — Какая радиограмма?

— Пришел приказ из Москвы. Нам велят садиться на военный аэродром в Сморгони. Вас там ждут на связь с вашим руководством.

— Через сколько посадка?

— Через тридцать минут, товарищ подполковник.

Когда самолет приземлился, облачность уже рассеивалась и на закатном небе пылал красным цветом горизонт. Воздух был наполнен сыростью, запахом сырой зелени, мокрого ржавого железа. Внизу, возле трапа, группу ждал человек в военной форме и наброшенной на плечи армейской плащ-палатке.

— Товарищ подполковник, — военный приложил руку к фуражке, но Шелестов узнал его и протянул руку.

— Званцев? Сколько лет, сколько зим! — улыбнулся Максим, пожимая руку особиста.

— О, какие люди нас встречают! — Коган даже остановился на нижней ступеньке трапа. — Живой, Федор Макарович?

— Рановато еще помирать, — ответил особист, — война не закончилась, не всех фашистов добили, еще не всю нечисть из нашей земли выковыряли.

Штабной автобус доставил группу к двухэтажному зданию на территории военного городка. За окном быстро темнело. В комнате,

куда капитан Званцев привел оперативников, было тепло, уютно потрескивали дрова в печке-буржуйке. Званцев поблагодарил бойца, заварившего чай, и разрешил ему уйти. Оперативники с удовольствием стали разливать горячий чай по кружкам, пока капитан звонил по внутреннему телефону. Через несколько минут в комнату вошел подтянутый высокий лейтенант с красными от бессонницы глазами и протянул Шелестову бланк.

— Вам шифрограмма из Москвы, товарищ подполковник.

Шелестов взял бланк, внимательно дважды перечитал текст, потом вернул документ шифровальщику и отпустил его. Оперативники выжидающе смотрели на командира, только Званцев сидел с кружкой в руке и со своим обычным прищуром смотрел на огонь. Отсветы огня играли на его коричневых загорелых затылках. Видимо, капитан уже знал и о шифрограмме, и о том, зачем группу вдруг посадили в Сморгони, здесь, в Белоруссии, недалеко от границы с Литвой.

— Ну, давай, Федор Макарович, — Шелестов повернулся к капитану, — рассказывай, что вы тут натворили такого, что стало известно в Москве.

— Любопытно! — Сосновский не донес кружку с чаем до рта и выразительно посмотрел на местного оперативника.

Званцев поднялся с табурета, подошел к столу и поставил на него кружку. Из планшета он вытащил карту района и расстелил ее на столе. Капитан успел еще по дороге в автобусе рассказать, что после ранения его перевели сюда, в территориальные органы НКВД. Разгладив карту ладонью, он взял карандаш и стал показывать.

— Вот здесь, в селе Свиридовичи, участковый милиционер заметил чужаков, которые вели себя скрытно, но опытный глаз фронтовика не обманул. Вместе с милиционерами прибывшая группа НКВД блокировала в доме на окраине группу людей, которые оказали вооруженное сопротивление. За неделю до этого мы получили циркуляр из Главного управления НКВД за подписью комиссара госбезопасности Платова. Приказывалось незамедлительно сообщать обо всех диверсионных и разведывательно-диверсионных группах, замеченных на подконтрольных территориях. А также о группах немецких военнослужащих, пробирающихся на запад, к линии фронта, либо на север, к морю. По сведениям Платова, «лесные братья» на территории Литвы получили приказ от немцев, в частности от абвера, обеспечить переход разведывательно-диверсионной группы в район Клайпеды. Очевидно, группа очень важная, как мы поняли, поэтому

незамедлительно сообщили о событиях в Свиридовичах. Нам приказали не форсировать события и ждать вашу группу. Вот и все.

— В контакт с диверсантами вступали? — спросил Буторин. — Количество, вооружение, особенности их действий?

— Они отстреливались из стрелкового оружия, — пригладив редкие волосы на темени, задумчиво ответил Званцев. — Состав примерно семь или восемь человек. Свидетели слышали возгласы и команды на русском языке. Есть еще один момент, который мне показался странным.

— Ладно, не тяни кота за хвост! — недовольно вставил Коган.

— Создалось впечатление, что они захватили не первый попавшийся дом в селе, чтобы занять круговую оборону. Они пробивались к конкретному дому. Думаю, им там что-то было нужно. Возможно, что там склад чего-то им необходимого или какие-то материалы необходимо было забрать. Одним словом, только предположения.

— Уже хорошо, что такие предположения появились, — сказал Шелестов. — Внимательность к таким мелочам часто дает хороший результат. Значит, так, товарищи, Платов предлагает нам возглавить операцию по обезвреживанию этой

разведывательно-диверсионной группы фашистов в нашем тылу. Приказ однозначный — старшего группы брать только живьем.

— Сколько они там уже сидят? — сразу начал задавать вопросы Коган, поднимаясь. — Кто хозяин дома, где он, его допросили? Членов семьи?

— В доме жили беженцы, так сельский совет распорядился. А хозяин был на фронте, вернулся из госпиталя. К тому времени и беженцы перебрались в райцентр. Борис Якуба его зовут. Месяц назад вернулся из госпиталя. Документы по нашим запросам пока не пришли. Якобы красноармейская книжка сгорела во время боя.

Ночь была лунная, и группа добралась до окруженного дома без осложнений. На первом же посту группу встретил начальник милиции, одетый в синюю форму, поверх которой была накинута плащ-палатка.

— Ну что, тихо сидят? — спросил Званцев.

— Сидят тихо, — шепотом ответил начальник милиции. — Мы Якубу нашли! В километре отсюда, в лесу. Местность прочесывали с собаками и нашли. Они его землей присыпали. Большую яму даже копать не стали. Спешили, видать!

Из дома вдруг дважды выстрелили. Потом в сторону реки хлестнула короткая автоматная

очередь. Званцев тут же пояснил, что оцепление не провоцирует диверсантов, это те для острастки или со страху палят во все, что кажется подозрительным. И тут же усиленный рупором властный голос начал убеждать окружающих сдаться, гарантируя жизнь, медицинскую помощь раненым и справедливый суд. В сторону, откуда доносился голос, выстрелили, но человек с рупором продолжал говорить как ни в чем не бывало. Видимо, он находился в надежном укрытии.

Тело привезли через час. Вызванный из дома местный фельдшер сонно тер глаза и все ворчал, что помочь он бы и рад, да только он же не патологоанатом. Однако даже по предварительным выводам, сделанным старым фельдшером, было ясно, что Якуба убит двумя ударами ножа. Удары нанесены профессионально и точно. Первый — в грудь. Видимо, он был нанесен в такой момент, когда Якуба не ожидал нападения. Этим ударом было пробито легкое, и поэтому человек не смог даже вскрикнуть. А когда он упал, его добила точным ударом сзади под левую лопатку. Точно в сердце.

Когда тело выносили на улицу, чтобы погрузить в машину и отправить на вскрытие в районную больницу, к дому участкового подъехал на мотоцикле, тархтя мотором, нарочный из Сморо-

гони. Званцев и московские оперативники остановились у двери и разорвали пакет. Пробежав глазами документ, перелистав несколько страниц документов, по виду каких-то бланков, капитан хмуρο посмотрел на Шелестова.

— Чего-то подобное я и ожидал, товарищ подполковник. Поддельные документы оказались у Якубы. В обозначенном госпитале он не лежал, после ранения не лечился. Вскрытие еще и покажет, какое ранение имелось у Якубы, которое он мог лечить. Я направлю запрос в воинскую часть, но мне кажется, что он там не служил.

— Якуба — пособник немцев и предатель, — вставил Буторин. — Это ясно. И дом его использовался как конспиративная квартира. Вот только непонятно, зачем его убили и почему во время перестрелки диверсанты все равно рвались к пустому дому Якубы. Медом им там намазано?

— Ну тут вариантов не очень много, — пожал Сосновский плечами. — Или Якуба хотел сбежать, или группа знает или имеет при себе что-то, для чего лишний свидетель не нужен.

— Подчищают за собой? — Буторин хмыкнул. — В таком случае они собираются исчезнуть, как святые духи. Их же обложили со всех сторон.

Неожиданно со стороны реки раздались автоматные очереди, послышались крики. Званцев окликнул кого-то из командиров, чтобы тот отправил к реке с десятком людей. Но Шелестов остановил капитана.

— Не вздумай, Федор! — приказал он. — Может, они этого только и ждут! Максимум внимания здесь, а мы с тобой бегом к реке. Выясним, что там такое, а уж потом примем решение... Пошли!

Когда по соседнему переулку группа спустилась на берег речушки, там несколько бойцов роты НКВД, поставив лицом к крайней хате какого-то человека, обыскивали его. Один из бойцов, сержант, насколько сумел разглядеть Шелестов, бросился докладывать Званцеву. Оказалось, что этого человека они заметили, когда он был уже недалеко от берега, находясь у старого разрушенного сруба колодца. Один из бойцов утверждал, что неизвестный появился со стороны заблокированного дома, и прошел он огородами, прополз между грядками и долго лежал в папоротнике. Боец сначала думал, что ему показалось, но потом сообщил о появлении неизвестного командиру. Бойцы повернули задержанного лицом к себе, протянули Званцеву пистолет ТТ и финку, отобранные во время обыска.

— Вот это встреча, — неожиданно воскликнул Коган и направил свет фонарика на лицо неизвестного. — Это же Дмитренко! Богдан Дмитренко собственной персоной!

— Живучий, сволочь, — с угрозой в голосе добавил Буторин, подходя ближе и вглядываясь в лицо мужчины. — Ну в этот раз тебе не уйти! Лично пристрелю при попытке к бегству. Тут вот и кончить тебя, чтобы не поганил родную землю!

— Не надо, я все расскажу! Не убивайте, — затараторил пленный. — У меня есть ценные сведения. Там, в доме, несколько человек и с ними Вальтер Фрид!

— Что? — Званцев подскочил и сгрэб в кулак ворот рубахи пленного. — А ну, повтори, что ты сказал? Вальтер Фрид?

— Спокойно, Федор Макарович, — осадил оперативника Шелестов, — спокойно! Значит, снова Вальтер Фрид, он же изменник родины Василий Федорчук! Немецкий пособник, диверсант. Вот и встретились, если не врет Дмитренко... Борис, допроси этого типа. Есть тут у вас какое-нибудь помещение, где можно побеседовать без свидетелей?

Коган увел допрашивать арестованного, а к Званцеву подбежал посыльный.

— Товарищ капитан, там прибыло начальство из Минска!